

Методология истории, источники, историография

УДК 308+930.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-12-20

«История повседневности» в контексте современной историографии

Наталья В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится анализ нового направления исторической науки, получившего название «история повседневности». При этом разграничивается понимание «повседневной жизни» историками, этнографами и социологами. Это высвечивает сложную природу повседневности. Методологически история повседневности тесно связана с традиционной событийной историей. Для исследователя повседневной жизни важны жизненные проблемы, их осмысление и отражение в сознании людей. История повседневности нацелена на изучение переходных этапов общественного развития, периодов повышенной социально-политической напряженности. Предметом анализа являются формы и способы выживания людей во время войн, революций, эпидемий, голода и разрухи. Так была сконструирована «история снизу», которая в качестве своего предмета видела человека в повседневных заботах с его чувствами и переживаниями. Труды по истории повседневности охватывают небольшие отрезки времени и тяготеют к регионализации. Изучение тактики и стратегии повседневного существования рядового человека в социуме при обращении к эгоисточникам может быть оформлено в общую картину повседневных практик индивида. Представленная объяснительная модель повседневных практик как «истории маленького человека» есть пространство приспособлений и адаптации и свидетельствует о новом уровне творческого осмысления российской исторической наукой современных интеллектуальных технологий.

Ключевые слова: история повседневности, теоретико-методологический подход, макроистория, микроистория, современная российская историография

Для цитирования: Иллерицкая Н.В. «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2022. № 2. С. 12–20. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-12-20

© Иллерицкая Н.В., 2022

“History of everyday life” in the context of modern historiography

Nataliya V. Illeritskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Abstract. The article analyzes a new direction of historical science, called “the history of everyday life”. At the same time, a distinction is made among the understanding of “everyday life” by historians, ethnographers and sociologists. It highlights the complex nature of everyday life. Methodologically, the history of everyday life is closely connected with the traditional history of events. For a researcher of everyday life, vital issues, their comprehension and reflection in the minds of people are important. The history of everyday life is aimed at studying the transitional stages of social development, periods of increased socio-political tension. The subject of analysis is the forms and methods of people’s survival during wars, revolutions, epidemics, famine and devastation. Thus “history from below” was constructed, which as its subject saw the individual in his everyday concerns with his feelings and experiences. Works on the history of everyday life cover small periods of time and tend to regionalization. The study of the tactics and strategies for the everyday existence of an ordinary person in society, when referring to ego sources, can be framed into a general picture of the individual’s daily practices. The presented explanatory model of everyday practices as a “story of a little man” is a space of adjustments and adaptation and testifies to a new level of creative understanding of modern intellectual technologies by Russian historical science.

Keywords: history of everyday life, theoretical and methodological approach, macrohistory, microhistory, contemporary Russian historiography

For citation: Illeritskaya, N.V. (2022), “ ‘History of everyday life’ in the context of modern historiography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 12–20, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-12-20

Введение.

Определение содержания понятия «история повседневности»

История как наука о прошлой социальной реальности предполагает творческий подход исследователей к осмыслению исторических событий и явлений. Цель исторических изысканий – приращение научного знания. Поэтому практика историописания постоянно тре-

бует от историков не только открывать новые источники информации, но разрабатывать и осваивать новые интеллектуальные технологии.

В историографии конца XX в. начал доминировать историко-антропологический подход, который включал в свое исследовательское пространство условия жизни человека, его переживания и идеалы [Пушкарева, Любичанковский 2014, с. 7]. Так оформилось новационное направление, получившее название «история повседневности».

Следует отметить, что категорию «история повседневности» в своих трудах одновременно применяли и этнографы, и социологи, и историки, но содержание этой категории они трактовали по-разному. История повседневности действительно призвана изучать обыденный мир людей в различных контекстах – историческом, политическом, экономическом и культурном, причем так, как сами люди понимают свое бытование. При этом этнографы концентрируются «на изучении бытовой культуры народов» [Олабарри 2004, с. 176–196]; социологи определяют обыденную жизнь как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве целого мира» [Бергер, Лукман 1995, с. 38]. Историки же изучают не просто быт, но повседневное сознание и поведение людей как сочетание труда и познания, воспитания и привычек. Эти различные смыслополагания выявляют сложную природу повседневности, которая для каждого конкретного человека представляет собою пространство, «в котором этот человек живет и взаимодействует с себе подобными» [Пушкарева, Любичанковский 2014, с. 10].

Другая интерпретация истории повседневности была сформулирована представителями немецкой исторической школы, и ее можно охарактеризовать «как микроисторию обычных и незаметных индивидов» [Людтке 1999, с. 121]. Профессор А. Людтке был одним из основоположников такого подхода и известен в России своими теоретическими статьями на тему «что такое история повседневности». В его версии эта история понимается не как изучение быта, а как человеческий опыт еще живущих людей, помнящих о каких-то событиях и тем самым формирующих новый исторический опыт. Это привело к интерпретации «истории повседневности» как малых жизненных миров. Таким образом,

...центральным в анализе повседневности становятся жизненные проблемы тех, кто остается в истории безымянными. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего [Людтке 1999, с. 77].

Такой подход дает возможность историку проследить, как на фундаменте одной обыденности возникает новая повседневность. Поэтому спецификой истории повседневности в Германии стала тематическая концентрация исследований на опыте переосмысления истории XX в. [Дубина 2010, с. 207–208].

Со временем оба понимания истории повседневной жизни сблизились за счет обращения к переходным этапам общественного развития, к периодам повышенной социально-политической напряженности:

Предметом их анализа стали формы и способы выживания людей в экстремальных условиях во время войн, эпидемий, революционных преобразований, борьба с голодом и разрухой, где человек выступает жертвой внешних обстоятельств, под воздействием которых меняется его поведение... восприятие глобальных исторических процессов [Рыкун, Карапетян 2016, с. 141].

Так была сконструирована «история снизу», или «история изнутри», которая в качестве своего предмета видела человека в будничных заботах с его чувствами и переживаниями [Рыкун, Карапетян 2016, с. 141]. В число знаковых проблем такой конфигурации истории входила разработка теоретических оснований повседневности, а также решение практических исторических задач прошлого в методологии повседневности [Рыкун, Карапетян 2016, с. 141].

Российская версия «истории повседневности»

Российские историки примерно к середине 2010-х гг. постарались выработать свою версию истории повседневности в контексте новой для них парадигмы. В ходе оживленных научных дискуссий они старались осмыслить и сформулировать собственное понимание содержания категории повседневного. Именно историки уловили, что методологически история повседневности тесно связана с событийной историей и имеет выраженное прогностическое измерение. Здесь главную роль играет осмысление людьми своих жизненных проблем, их ценностные ориентиры, их мотивации [Рыкун, Карапетян 2016, с. 141]. Поэтому труды по истории повседневности локальны по характеру и явно тяготеют к регионализации [Долбилов, Сталюнас 2006, с. 359–365].

В результате российские историки представили свой формат содержания истории повседневности. Эта конструкция включала такие компоненты, как: 1) событийную область публичной пове-

дневной жизни; 2) частные события, т. е. приспособление людей к внешнему миру; 3) обстоятельства личной домашней жизни; 4) эмоциональную сторону событий, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и локальными группами; 5) праздничное в обыденной жизни, если оно разыгрывается по одному и тому же повторяющемуся сценарию [Пушкарёва, Любичановский 2014, с. 9].

Методологический потенциал «истории повседневности»

В самом начале в России история повседневности рассматривалась как метод, но в настоящее время ее представители считают историю повседневности междисциплинарным направлением в современной исторической науке, которое позволяет ближе всего подойти к историческим акторам, что делает историю «живой». В рамках этих проблем конструируется представление о жизни целого общества и отдельных индивидов.

Для анализа повседневности необходима особая методология и особенная интерпретация источника, которая позволит историку понять и объяснить мотивацию действующих лиц истории. Для этого исследователь вступает в диалог с источником, что дает ему возможность, применяя методологические заимствования из арсенала психологии и социологии, в технике «устной истории» сконструировать новый, так называемый вторичный источник.

Основным требованием, которое актуально для всех исследователей истории повседневности, является наличие в их распоряжении источников личного происхождения – писем, дневников, воспоминаний. Интерпретация чужих мыслей и переживаний требует от историков виртуозного владения методами вживания и вчувствования, особенно если историк имеет дело с уже известным эмпирическим материалом.

Исследовательские практики российских историков

В этом контексте выделяется проблема, характерная для российской версии истории повседневности, обращенной к исследованию типичного именно для отечественной историографии макрообъекта – сословной структуры. Поэтому особое внимание в пространстве современной историографии привлекают к себе

историографические источники, авторы которых последовательно позиционируют себя сторонниками теории повседневных практик. Именно к таким трудам относится работа профессора Самарского национального исследовательского университета З.М. Кобозевой [Кобозева 2021, с. 32–38], в которой анализируется «история повседневности» в методологии «повседневных практик» на примере изучения истории мещанского сословия.

Автор подчеркивает, что она относит себя к тем историкам, которые исповедуют принцип «истории снизу» и по теоретическим, и по этическим соображениям, поскольку убеждена, что «маленький человек» и есть истинный творец истории. Поэтому в качестве объекта исследования З.М. Кобозева определила мещанское сословие городов Российской империи в пространстве повседневной жизни и попыталась ответить на главный вопрос: как его следует изучать? Мещане являлись «молчаливым» сословием, но во второй половине XIX – начале XX в. их повседневная жизнь, как утверждает автор,

...продолжала проходить в рамках тех прав и обязанностей, которые обуславливали в России принадлежность к сословию. Именно поэтому выявление повседневных практик сословного существования на их примере представляет несомненный научный интерес [Кобозева 2021, с. 37].

Новизна подобного исследования определяется тем, что в качестве эгодокументов З.М. Кобозева предлагает привлечь делопроизводственные источники – письма во власть. Автор справедливо задает важнейший аналитический вопрос: какой же метод сделает возможным отследить этот диалог человека с властью? И приходит к пониманию, что достигнуть адекватного исследовательского результата реально только в методологии «повседневных практик», понимая под словом «практика» поведение, «посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни (выживания)» [Людтке 2010, с. 58; Кобозева 2021, с. 34].

З.М. Кобозева подчеркивает, что мещане обращались к власти по разным обстоятельствам своей жизни, но эти документы были эмоционально окрашены, поэтому каждое из их посланий в городскую думу или мещанскую управу заключает в себе частное событие, которое, невзирая на сословные рамки, переживается индивидуально [Кобозева 2021, с. 34]. Это превращает делопроизводственные источники в эгодокументы, для анализа которых, по мнению автора, необходимо синтезировать системно-структурный, социокультурный и психологический методы исследования для изучения мещанской жизни провинциального российского города.

Исследовательский путь, предложенный З.М. Кобозевой, сам по себе проблематичен для современной историографии, ведущей перманентную дискуссию о взаимодействии макро- и микроподходов. Ряд специалистов по теории истории принципиально отрицают возможность соединения макро- и микроанализа, поскольку эти два подхода, по их мнению, несводимы один к другому и сконструировать из них конвенциональную модель не представляется возможным [Савельева, Полетаев 2003, с. 659–665]. З.М. Кобозева не согласна с таким выводом и аргументирует это достаточно убедительно. Она подчеркивает, что исследовательская практика показывает, что сословная «рамка» предопределяла общие для сословия формы текстов писем во власть, но реальная жизнь расцветчивала их всем многообразием реальных житейских ситуаций. При этом макроподход, по мнению автора,

...позволяет очертить вызовы, предъявляемые человеку его местом в социальной структуре. Микроподход выявляет индивидуальное переживание ситуации, обусловленной социальным статусом человека [Кобозева 2021, с. 346].

Таким образом, утверждает автор, объединить эти два подхода возможно, поскольку в связке они позволяют выйти на целостное понимание категории повседневной практики.

З.М. Кобозева приходит к обоснованному, на мой взгляд, выводу, что история повседневности запечатлевает «уходящую натуру» времени, и люди выхватываются исследователем из их рутинного, обыденного существования.

Повседневность всегда прислушивается к событийной истории и реагирует на вызовы внешнего мира. Поэтому повседневность – это такое же пространство истории, только суженное от рассвета до заката, от рождения до смерти [Кобозева 2021, с. 35–36].

Заключение

Очевидно, что исследование истории повседневности – задача трудная и до сих пор реализовать ее удавалось немногим. Труд З.М. Кобозевой является позитивным исключением. Автор грамотно продемонстрировала теоретико-методологические возможности работы с позиции «истории повседневности» с таким сложным и типичным для отечественной историографии макрообъектом, как сословная структура. З.М. Кобозева доказала, что изучение тактики и стратегии повседневного существования рядового человека в со-

циуме, даже при обращении к таким скудным эгоисточникам, как делопроизводственные, может быть оформлено в общую картину повседневных практик индивида. Представленная объяснительная модель конструирования повседневных практик как «истории маленького человека» есть пространство вызовов и ответов, приспособлений и адаптации. Освоение российскими историками истории повседневности именно в таком ключе свидетельствует о том, что российская историческая наука вышла на новый уровень творческого осмысления современных интеллектуальных технологий.

Литература

- Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд, 1995. 322 с.
- Долбилов, Сталюнас 2006 – *Долбилов М., Сталюнас Д.* Слова, люди и имперские контексты: дискуссия продолжается // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 359–365.
- Дубина 2010 – *Дубина В.С.* «История повседневности» в плюрализме культурных поворотов. Российский и немецкий опыт // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 32. С. 203–211.
- Кобозева 2021 – *Кобозева З.М.* «Повседневные практики» в «истории повседневности»: как работает метод // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27. № 1. С. 32–38.
- Людтке 1999 – *Людтке А.* Что такое история повседневности?: ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история: ежегодник: 1998/99*. М., 1999. С. 77–100.
- Людтке 2010 – *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
- Олабарри 2004 – *Олабарри И.* «Новая» новая история: структура большой длительности // *Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*. Вып. 2. Константа. 2004. С. 176–196.
- Пушкарева, Любичанковский 2014 – *Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.* Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
- Рыкун, Карапетян 2016 – *Рыкун Г.Н., Карапетян Э.В.* Формирование теоретико-методологических основ истории повседневности и жизнеобеспечения общества в исторической науке // *Гуманитарные и юридические исследования*. Вып. 4. 2016. С. 139–143.
- Савельева, Полетаев 2003 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого: теория и история. СПб.: Наука, 2003. 632 с.

References

- Berger, P. and Lukman, T. (1995), *Sozialnoe konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiologii znaniyu* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge], Moskovskii filosofskii fond, Moscow, Russia.
- Dolbilov, M. and Staliunas, D. (2006), "Words, people and imperial contexts. The discussion continues", *Ab Imperio*, no. 1, pp. 356–365.
- Dubina, V.S. (2010), " 'History of everyday life' in the pluralism of cultural turns. Russian and German experience", *Dialogue with time*, iss. 32. P. 203–211.
- Kobozeva, Z.M. (2021), " 'Daily practices' and 'history of everyday life'. How the method works" // *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*, vol. 27, no. 1, pp. 32–38.
- Lüdtke, A. (1999), "What is the history of everyday life? Its achievements and prospects in Germany", *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik: 1998/99*, Moscow, Russia, pp. 77–100.
- Lüdtke, A. (2010), *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [The history of everyday life in Germany. New approaches to the study of work, war and power], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Olabarri, I. (2004), " 'New' new history. The structure of long duration", *Oikumena: Al'manakh sravnitel'nykh issledovaniy politicheskikh institutov, sotsial'no-ekonomicheskikh sistem i tsivilizatsii* [Oikumena. Almanac of comparative studies of political institutions, socio-economic systems and civilizations, iss. 2. Constant], pp. 176–196.
- Pushkareva, N.L. and Lyubichankovsky, S.V. (2014), " 'Everyday life history' in modern historical research. From school of the annals to the Russian philosophical school", *Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 4, no. 1, pp. 7–21.
- Rykun, G.N. and Karapetyan, E.V. (2016), "Formation of theoretical and methodological foundations of the history of everyday life and livelihoods of the society in historical science", *Humanities and law research*, iss. 4, pp. 139–143.
- Savel'eva, I.M. and Poletaev, A.V. (2003), *Znanie o proshlom: V 2 t. T. 1: Konstruirovaniye proshlogo: teoriya i istoriya* [Knowledge about the past. In 2 vols., vol. 1], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Наталья В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Information about the author

Nataliya V. Illeritskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; natalia.v.illeritskaya@gmail.com